

А. А. Серых

**«Мы перешли последнюю черту»:
Конструирование времени историком
в атмосфере 1917–1920-х годов
(по материалам дневниковых записей
Ю. В. Готье)**

В статье раскрывается проблема восприятия времени Ю. В. Готье в период революции 1917 года и в последующие несколько лет. В состоянии кризиса общепринятые условные понятия «прошлое», «настоящее» и «будущее» смещаются, вместе с тем формируется новая темпоральная модель, основанная не на ожидании будущего, а на актуализации прошлого.

Ключевые слова: прошлое, настоящее, будущее время; горизонт ожидания; пространство опыта; революция, темпоральная модель.

Понятие «время» для историка неоднозначно, оно одновременно является и предметом изучения, и методом работы. Как отмечал Ф. Бродель: «Историк ни на минуту не может выйти за пределы исторического времени. Время липнет к его мысли, как земля к лопате садовника» [5: с. 134].

Восприятие времени, как и восприятие пространства, несмотря на наличие условных единиц измерения и универсальность, остается во многом субъективным. Особенно отчетливо темпоральная, как и пространственная, субъективность воспринимается в условиях социокультурных кризисов и сломов. Тем более когда речь идет об историках, профессиональная деятельность которых напрямую связана с конструированием времени и интерпретаций событий прошлого и настоящего.

Любые хронологические принципы, схемы и таблицы, которые используются для фиксации определенных событий и процессов — это всего лишь методы исторического познания, которые соответствуют актуальным для общества культурным ценностям, нормам и поставленной научной задаче, но при этом являются условными. Историческое время — это темпоральное воплощение социального. Оно неоднородно, многогранно и, как правило, нелинейно.

Историк в силу профессии мыслит именно историческим временем. Все окружающие его процессы и события оцениваются им с позиции их исторического значения. Ярким примером такой темпоральной субъективности может стать восприятие времени Ю. В. Готье в 1917–1920-х годах.

Анализу жизни и творчества Ю. В. Готье посвящен существенный пласт современной отечественной историографии. Практически весь комплекс историографических трудов, который сформировался к настоящему времени, связан с научной и профессиональной деятельностью историка. Ключевое значение имеет библиография его работ, составленная Н. М. Астафьевой [2]. Систематизация и анализ историографического наследия историка начались вслед за кончиной ученого. 28 марта 1943 года на вечере памяти Ю. В. Готье в Отделении истории и философии АН СССР выступили С. В. Бахрушин и С. К. Богоявленский, тексты докладов впоследствии легли в основу статей историков, посвященных Ю. В. Готье [3; 4]. Рассмотрению различных сфер профессиональной деятельности историка также посвятили свои работы В. И. Пичета [13–15], А. В. Арциховский [1], Н. Л. Рубинштейн [16].

В 1973 году в связи со 100-летием со дня рождения Ю. В. Готье имя историка актуализировалось вновь, однако проблематика исследований осталась в рамках его научной и профессиональной деятельности. В статьях Т. А. Смелой [17] и В. В. Галахова [6] рассматривалась научно-общественная деятельность историка.

С начала 2000-х годов наблюдается новая науковедческая традиция: исследователи рассматривают положение историков в контексте научного сообщества конца XIX–XX веков и определяют характер их коммуникаций. Продолжает развиваться полемика по вопросам интерпретации понятия «научная школа» и включение в нее историков. Так, М. Д. Мандрик отметила тесную взаимосвязь между творчеством Ю. В. Готье и школой Ключевского [10; 11]. В данном исследовательском фокусе важной оказывается работа В. В. Тихонова, в которой рассматривается научное творчество Ю. В. Готье в контексте московской исторической школы наряду с анализом творчества и деятельности С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина [18]. Общая идея всего историографического блока, посвященного научной деятельности Ю. В. Готье, заключается в том, что он является учеником В. В. Ключевского и ярким представителем московской исторической школы конца XIX – начала XX веков. Вместе с тем многие стороны жизни и творчества Ю. В. Готье остаются пока за пределами исследовательских интересов. В современной историографии нет обобщающих работ, посвященных этому выдающемуся ученому, а также нет работ, исследующих специфику темпоральных представлений историка, хотя для его профессиональной деятельности они имеют большое значение.

Специфика дневника как источника исторического исследования заключается в том, что дневниковые записи, в отличие от мемуаров, являются, во-первых, всегда незавершенными, а во-вторых, их отличает незначительность временного отрезка между произошедшим событием и его интерпретацией

в тексте. Дневниковые записи Ю. В. Готье отражают саморефлексию автора, а вместе с тем и его попытку нахождения своего места в мире. Принимая во внимание субъективность дневниковых записей историка, отметим, что это один из немногих опубликованных текстов первой четверти XX века, не испытывавших на себе «чистки» и корректировки. В 1922 году Ю. В. Готье удалось передать текст дневника американскому профессору Ф. Гольдеру, который в Советском Союзе собирал материалы по вопросам войны и революции для Гуверовской библиотеки в Стенфордском университете. Как следствие, в 1923 году дневник оказался в США, где хранился в библиотеке университета и на протяжении более чем пятидесяти лет оставался «потерянным». На русском языке текст дневниковых записей был впервые опубликован в журнале «Вопросы истории» в 1991–1993 годах.

Тексты дневниковых записей Ю. В. Готье становятся, используя терминологию П. Рикера, «хранителями времени», так как различные модусы времени существуют лишь в том случае, если они рассказаны. Анализируя прошлое Российской империи и находясь в «пространстве опыта», Ю. В. Готье постоянно возвращается к настоящему. Отметим, что вслед за Р. Козеллеком под формулировкой «пространство опыта» мы понимаем прошлое настоящего, при этом «события первого включены во второе и о них можно вспоминать» [8: с. 154]. Вместе с тем «горизонтом ожидания» мы называем «будущее настоящего, направленное на “еще не”»: на еще не пережитое, на то, что еще может быть открыто» [Там же]. В дневниках Готье наблюдается дифференциация индивидуальной и общеисторической темпоральности. При этом важно, что частично реперные точки двух хронологических структур совпадают.

История российского общества на страницах дневника интерпретируется через призму революции. Вся история государства — это логичная предыстория той социокультурной катастрофы, в контексте которой находился историк. Примечательно, что ключевым для восприятия революции и прошлого страны становится образ «разинщины» и особенно «пугачевщины». Именно через них Ю. В. Готье интерпретирует те политические процессы, которые были в прошлом и свидетелем которых стал он сам. Историк пишет о том, что русская жизнь «далее Разина и Пугачева не могла и не может идти» [7: с. 121]. более того, все политические процессы, которые когда-либо возникали в стране рано или поздно приобретали разинский или пугачевский характер [Там же: с. 18].

В критических условиях социокультурного кризиса, начавшегося после 1917 года, вся история страны видится историку как история русского народного бунта. Причем здесь важно, что отношение к народу максимально неприязненное, что выражается в тех эмоциональных эпитетах, которые использует историк. Ю. В. Готье называет народ «безмозглым» [Там же].

По мнению автора записей, для русского народа характерна пораженческая история. «Поражение всегда более занимало русских, чем победа и торжество: русскому всегда кого-нибудь жалко — поэтому он предпочитает жалеть

себя и любить свое горе, чем жалеть другого, причинив тому зло, — эгоизм наизнанку» [Там же]. Противопоставляя себя русскому народу и идентифицируя себя, скорее, с профессиональной средой и интеллигенцией, Ю. В. Готье формулирует ту же пораженческую историю, в которой обвиняет народ. Он сам, как и общество в целом, оказывается под влиянием идеи поражения. Все прошлое страны для историка — это поражение монархии, дворянства, интеллигенции и культуры. Историк указывает на то, что в прошлом у русского народа не было любви к родине: «ничто не пробудит в нем (в народе. — А. С.) любовь к родине, которой в настоящем смысле у него и не было» [Там же: с. 113]. Отсутствие этого качества в национальном характере оказывается для историка системообразующим, так как в настоящем приводит к другой, еще более важной проблеме — отсутствию общерусского патриотизма: «В так называемой Российской державе есть патриотизмы какие угодно — армянский, грузинский, татарский, украинский, белорусский — имя им легион, — нет только общерусского» [Там же: с. 19]. Важно, что отсутствие «общерусского патриотизма» воспринимается историком не просто как характеристика настоящего момента, но и как причина отсутствия будущего у страны: «Частный, областной патриотизм, культивируемый в бывшей России, есть один из самых дурных видов партикуляризма; он погубил много славянских государств, погубит и наше» [Там же].

События прошлого, маркерами которых выступают образы Пугачева и Разина, привели общество к событиям настоящего времени. Связь времен прерывается. События настоящего — это подведение неутешительных итогов и обвинение различных социальных групп (и «рыхлых русских интеллигентов» [Там же: с. 132] и «темных людей» [Там же: с. 474] из народа) в том, что они своими действиями или, напротив, бездействием подвели страну к последнему рубежу — революции.

В результате линейное историческое время в восприятии историка прерывается. По мнению Ю. В. Готье, у страны и общества нет будущего. Есть пораженческая история прошлого, есть события настоящего, происходящие в атмосфере революции, но при этой траектории развития будущего у страны нет: «Вынуты душа и сердце, разбиты все идеалы. Будущего России нет; мы без настоящего и без будущего» [Там же: с. 13]. Революция при этом выступает как маркер настоящего момента времени, так и финал всей многовековой истории государства и общества.

Русская революция, по мнению Ю. В. Готье, представляет собой «кабак» [Там же: с. 21]. Эта эмоциональная оценка показывает субъективное, минутное настроение историка: «Русская революция имеет одну неотъемлемо свойственную ей черту — глупость, доведенную до крайних пределов <...> а вторая черта — это подражание глупости других; что бы и где бы ни выкинули, сейчас же всякая глупость находит себе подражателей, и волна подражательной глупости докатывается до полного конечного абсурда» [Там же: с. 107].

Анализируя причинно-следственные связи в истории российского общества, определяя основные проблемы и исторические образы, которые способствовали появлению и развитию идей революции, историк постоянно возвращается к настоящему моменту. Отметим, что с точки зрения исторического времени все темпоральные модусы актуализируются в условном настоящем, т. е. в революции.

Однако восприятие исторического прошлого страны как мрачного и тяжелого прямо противоположно восприятию индивидуального прошлого. В личной истории Ю. В. Готье прошлое, напротив, насыщено приятными воспоминаниями. Особенность мышления историка заключается в том, что он переносит акцент темпорального восприятия в пространство опыта: «Здесь все в прошлом — и молодость, и счастье, и любимое дело, и даже сколько-нибудь сносная человеческая жизнь» [Там же: с. 395]. При этом в личном темпоральном пространстве ключевыми маркерами становятся как общекультурные, так и личные события. Отметим, что в тексте дневника Ю. В. Готье стремится описывать и анализировать, прежде всего, общественные события, в этом он видит долг и предназначение себя как историка. Тем не менее дневник остается субъективным источником по истории частной жизни, поэтому происходит постоянное пересечение личных и общегосударственных событий. Ю. В. Готье старается оправдать себя, тем самым еще больше включая свою личную жизнь в канву социокультурного кризиса: «Моя личная катастрофа стоит в прямой связи с катастрофой общей, и потому я и описываю ее здесь» [Там же: с. 331].

Важно, что после смерти супруги Нины Николаевны Готье в 1919 году в личном темпоральном пространстве историка появляется новая субъективная характеристика — «старость». В российском обществе начала XX века это понятие воспринималось как один из этапов жизни человека. В эмоциональной записи, оставленной практически сразу после погребения жены, Ю. В. Готье отмечает: «Я стал одиноким стариком, вступившим в тот период жизни, который можно назвать кладбищенским» [Там же]. Необходимо отметить, что в 1919 году историку исполнилось 46 лет, но ощущение старости уже присутствовало, поэтому восприятие темпоральных модусов и скорости времени также изменилось. Для Ю. В. Готье понятие «старость» становится не только периодом жизни, но и позицией, с которой историк оценивает окружающую действительность. Анализ событий настоящего происходит с точки зрения накопленного опыта. По мнению К. Мангейма, «человек стареет именно по мере того, как он начинает замыкаться в рамках весьма специфического опыта, касающегося лично пережитых им событий; при этом любое новое впечатление начинает иметь уже predetermined форму и место в ряду других» [9: с. 23].

События 1917 года настолько сильно потрясли личную социокультурную модель историка, что граница восприятия в модели «свой – чужой» стала проходить не только между различными социальными группами, но и внутри профессионального сообщества. Московская и петербургская школы историков начиная со второй половины XIX века отличались не только подходами к науке,

но и характером межличностных взаимоотношений и отношением к правящей власти. Это отмечали такие яркие представители указанных научных школ, как П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер и С. Ф. Платонов [12: с. 205]. Ю. В. Готье продолжил сложившуюся в научном сообществе традицию сравнения «москвичей» и «петербуржцев», отмечая чуждость для себя политических взглядов петербургских коллег: «Раньше это не сознавалось, но теперь, при обострении жизни, как все-таки ясно чувствуется разница в психологии Петербурга и Москвы. Они легче приспособляются к РСФСР и оптимистичнее смотрят на настоящее, чем мы, — трудно это сразу объяснить: не то наследие Питерской бюрократичности, не то какой-то налет эсэровщины, уживающейся с тем же бюрократическим духом бывшей столицы» [7: с. 202]. Таким образом, петербургские историки, особенно те из них, кто искренне принял для себя новую власть, воспринимаются Ю. В. Готье как чужие.

Вместе с тем один из известных петербургских историков конца XIX – начала XX веков, С. Ф. Платонов, напротив, несмотря на только внешнюю, но лояльность по отношению к большевикам, все же воспринимался Ю. В. Готье как свой человек. Историк отмечал в дневниковых записях теплоту и доверительность взаимоотношений с ним: «В семье Платонова я встретил такой родной прием и такую теплую ласку, какие не часто встретишь у самых настоящих родственников и старых друзей» [Там же: с. 406]. Ю. В. Готье, находясь в Петербурге, часто останавливался у С. Ф. Платонова.

На протяжении всего периода общения и дружбы историков объединяла общность взглядов по отношению к происходящим социально-политическим процессам. Впоследствии оба окажутся в ссылке по сфабрикованному «академическому делу». В отечественной науке не завершается полемика по вопросу о том, кто был инициатором этого процесса. Формально репрессии против группы историков начались в 1928 году. В 1930 году Ю. В. Готье обвинялся в краже социалистической собственности в годы Гражданской войны [18: с. 253]. В августе 1930 года Ю. В. Готье вслед за С. Ф. Платоновым и Е. В. Тарле обвинили в создании антисоветской организации, стремившейся к свержению существующего строя. Все фигуранты дела были приговорены либо к ссылке, либо к лагерям. Предположительно, Ю. В. Готье был сослан в Самару, как и С. Ф. Платонов. В дневниковых записях историка 1917–1920-х годов горизонты ожидания видятся иначе.

Жизнь в настоящий момент времени в постреволюционной России была наполнена для Ю. В. Готье большим количеством трудностей, связанных с бытовыми проблемами. Это и нехватка продовольствия, и сокращение жилой площади. Время для него потеряло динамику и стало статично, отсюда и пессимистические настроения в тексте: «Я давно не чувствовал такого мрака души, как за последние дни. Все думается о невозвратном былом и тяжелом будущем. Думается и о себе, своей роли и значении в остающемся кусочке жизни. Мне событий кажется, что все мое теперешнее существование состоит в процессе личного отречения от себя и всего личного. Это тяжелый процесс,

особенно для меня, любившего жизнь и свою личную волю» [7: с. 420]. Тема воли и свободы выбора становится для Ю. В. Готье особенно актуальной в ситуации кризиса. Историк называет себя фаталистом: «Первый раз в жизни чувствую, что стал настоящим фаталистом. Пусть выйдет, что выйдет; не знаю сам, как строить остатки жизни» [Там же: с. 425].

Однако Готье не отказывается полностью от будущего. В личной темпоральной модели, в отличие от общеисторической, модус будущего присутствует. При этом, размышляя на страницах дневника о будущем, Ю. В. Готье отвечал для себя на два вопроса: для кого жить и где. Свои личные горизонты ожидания историк связывал только с сыном Владимиром: «На мне лежит долг спасти Володю от варварства, овладевающего этой страной и грозящей ему. Но как это сделать?» [Там же: с. 453]. Именно ребенок стал для него связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим. Заботу о нем и создание для него комфортных условий жизни Ю. В. Готье воспринимал как дань покойной супруге. После ее похорон историк оставил запись в дневнике: «Построить вновь здание своего благополучия я не сумею и не захочу; сумею ли я сделать то единственное дело, которое мне предстоит, исполнить единственное обязательство, которое лежит на мне перед Ниной, — воспитать Володю, чудесного, богато одаренного мальчика, с большими и хорошими задатками? Это будет последняя жизненная битва». Таким образом, личная темпоральная модель историка завершалась настоящим модусом, но горизонт ожидания существовал и стимулом для его реализации была необходимость заботы о сыне.

В 1917–1920-х годах в стране все больше развивались новые социокультурные установки, с которыми люди, переживавшие события революции в зрелом возрасте, не смогли найти точки соприкосновения, в результате многие были вынуждены уехать в эмиграцию. С выездом за рубеж связывал свои надежды на будущее и Ю. В. Готье. В 1918 году историк задумывался о вопросе эмиграции из Совдепии, но этим планам не суждено было реализоваться.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что общеисторическая и личная темпоральные модели Ю. В. Готье взаимно дополняют друг друга. Модель личной темпоральности включена в общеисторическую. Важно заметить, что в обеих моделях историк делает акцент на прошедшем модусе времени. Пространство опыта становится для историка главным элементом обеих темпоральных моделей. Но характеристика прошлого отличается: если в общеисторической темпоральной модели прошлое оценивается как поэтапное и целенаправленное движение общества к катастрофе, то личное пространство опыта, напротив, идеализируется. В результате наложения двух темпоральных образов получается многогранная картина исторического прошлого страны. Важно также, что вектор развития общеисторической модели останавливается для историка на событиях настоящего времени. Революция становится квинт-эссенцией исторического развития российского общества. При таком подходе у общества, в понимании Ю. В. Готье, нет и не может быть будущего. В личной темпоральной модели историк оставляет горизонты ожидания, но связывает их

исключительно с заботой о сыне, который оказывается ключевым связующим элементом всей темпоральной модели.

Темпоральные модели, сформулированные Ю. В. Готье на страницах дневниковых записей, при всей субъективности оказываются созвучны тем ощущениям, которые оставили в своих записях С. Б. Веселовский, С. Ф. Платонов, М. М. Богословский и другие историки конца XIX – начала XX веков.

Литература

1. *Арциховский А. В.* Ю. В. Готье как археолог // Московский государственный университет: Доклады и сообщения исторического факультета. М.: МГУ, 1945. Вып. 1. С. 21–24.
2. *Асафова Н. М.* Юрий Владимирович Готье: Основные даты жизни и научной деятельности: указатель трудов / сост. Н. М. Асафова; под ред. В. А. Федосеева. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1941. 26 с.
3. *Бахрушин С. В.* Ю. В. Готье // Исторический журнал. 1944. № 2–3. С. 74–79.
4. *Богоявленский С. К.* Академик Ю. В. Готье // Известия АН СССР. Сер.: История и философия. 1944. Т. 1. № 3. С. 109–115.
5. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории: сб. переводов / под ред. И. С. Кон. М.: Прогресс, 1977. С. 115–142.
6. *Галахов В. В.* Историографические материалы в фондах академика Ю. В. Готье // Археографический ежегодник за 1973 год. М.: Наука, 1974. С. 236–237.
7. *Готье Ю. В.* Мои заметки. М.: ТЕРРА, 1997. 592 с.
8. *Козеллек Р.* «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.
9. *Мангейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7–47.
10. *Мандрик М. В.* «Я не марксист и за марксиста себя не выдаю»: историк Ю. В. Готье и «Академическое дело» // Исследования по русской истории: сб. ст. к 65-летию И. Я. Фроянова. СПб.; Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2001. С. 327–356.
11. *Мандрик М. В.* К 125-летию со дня рождения историка Ю. В. Готье // Клио. 1998. № 1. С. 248–263.
12. Письма русских историков (С. Ф. Платонов, П. Н. Милюков) / под ред. В. П. Корзун. Омск: Полиграфист, 2003. 304 с.
13. *Пичета В. И.* Академик Ю. В. Готье // Вестник АН СССР. 1944. № 3. С. 123–126.
14. *Пичета В. И.* Академик Ю. В. Готье // Исторические записки. М., 1945. Кн. 15. С. 301–314.
15. *Пичета В. И.* Труды Ю. В. Готье по истории Литвы // Московский государственный университет: Доклады и сообщения исторического факультета. М.: МГУ, 1945. Вып. 1. С. 17–20.
16. *Рубинштейн Н. Л.* Памяти академика Ю. В. Готье // Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 87. С. 156–160.
17. *Смелая Т. А.* Академик Ю. В. Готье (к 100-летию со дня рождения) // Советские архивы. 1973. № 4. С. 42–45.
18. *Тихонов В. В.* Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 320 с.

Literatura

1. *Arcixovskij A. V.* Yu. V. Got'e kak arxeolog // Moskovskij gosudarstvennyj universitet: Doklady i soobshheniya istoricheskogo fakul'teta. M.: MGU, 1945. Vy'p. 1. S. 21–24.
2. *Asafova N. M.* Yuriy Vladimirovich Got'e: Osnovny'e daty zhizni i nauchnoj deyatel'nosti: ukazatel' trudov / sost. N. M. Asafova; pod red. V. A. Fedoseeva. M.: Izd-vo Vsesoyuznoj knizhnoj palaty, 1941. 26 s.
3. *Baxrushin S. V.* Yu. V. Got'e // Istoricheskij zhurnal. 1944. № 2–3. S. 74–79.
4. *Bogoyavlenskij S. K.* Akademik Yu. V. Got'e // Izvestiya AN SSSR. Ser.: Istoriya i filosofiya. 1944. T. 1. № 3. S. 109–115.
5. *Brodel' F.* Istoriya i obshhestvenny'e nauki. Istoricheskaya dlitel'nost' // Filosofiya i metodologiya istorii: sb. perevodov / pod red. I. S. Kon. M.: Progress, 1977. S. 115–142.
6. *Galaxov V. V.* Istoriograficheskie materialy v fondax akademika Yu. V. Got'e // Arxeograficheskij ezhegodnik za 1973 god. M.: Nauka, 1974. S. 236–237.
7. *Got'e Yu. V.* Moi zametki. M.: TERRA, 1997. 592 s.
8. *Kozellek R.* «Prostranstvo opy'ta» i «gorizont ozhidaniy» — dve istoricheskie kategorii // Sociologiya vlasti. 2016. T. 28. № 2. S. 149–173.
9. *Mangejm K.* Problema pokolenij // Novoe literaturnoe obozrenie. 1998. № 2 (30). S. 7–47.
10. *Mandrik M. V.* «Ya ne marksist i za marksista sebya ne vy'dayu»: istorik Yu. V. Got'e i «Akademicheskoe delo» // Issledovaniya po russkoj istorii: sb. st. k 65-letiyu I. Ya. Froyanova. SPb.; Izhevsk: Izd-vo Udmurtskogo un-ta, 2001. S. 327–356.
11. *Mandrik M. V.* K 125-letiyu so dnya rozhdeniya istorika Yu. V. Got'e // Klio. 1998. № 1. S. 248–263.
12. Pis'ma russkix istorikov (S. F. Platonov, P. N. Milyukov) / pod red. V. P. Korzun. Omsk: Poligrafist, 2003. 304 s.
13. *Picheta V. I.* Akademik Yu. V. Got'e // Vestnik AN SSSR. 1944. № 3. S. 123–126.
14. *Picheta V. I.* Akademik Yu. V. Got'e // Istoricheskie zapiski. M., 1945. Kn. 15. S. 301–314.
15. *Picheta V. I.* Trudy Yu. V. Got'e po istorii Litvy // Moskovskij gosudarstvennyj universitet: Doklady i soobshheniya istoricheskogo fakul'teta. M.: MGU, 1945. Vy'p. 1. S. 17–20.
16. *Rubinshtejn N. L.* Pamyati akademika Yu. V. Got'e // Ucheny'e zapiski MGU. 1946. Vy'p. 87. S. 156–160.
17. *Smelaya T. A.* Akademik Yu. V. Got'e (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) // Sovetskie arxivny'. 1973. № 4. S. 42–45.
18. *Tixonov V. V.* Moskovskaya istoricheskaya shkola v pervoj polovine XX veka: Nauchnoe tvorchestvo Yu. V. Got'e, S. B. Veselovskogo, A. I. Yakovleva i S. V. Baxrushina. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2012. 320 s.

A. A. Serykh

«We Have Crossed the Last Line»:

The Construction of Time by a Historian in the Atmosphere of the 1917–1920 s

(Based on the Materials of the Diary Entries of Yu. V. Gauthier)

The article reveals the problem of perception of time by Yu. V. Gauthier during the revolution of 1917 and in the next few years. In crisis conventional notions of «past», «present» and «future» move, however, a new temporal model based on expectations of the future and the actualization of the past.

Keywords: past, present, future time; horizon of expectation; space of experience; revolution; temporal model.